

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Дубровского Владимира Владимировича на тему:
«Участие антропологов в военных программах США в XX – начале XXI в.»
по специальности 5.6.4. – «Этнология, антропология и этнография»

Критикуя в своей книге Арчибальда Мюррея, командира Египетского Экспедиционного корпуса, Томас Эдвард Лоуренс, он же Лоуренс Аравийский, писал, что «ему нельзя доверять арабский вопрос, так как ни он, ни его подчиненные не обладают достаточной этнологической компетентностью (ethnological competence) для решения этой сложной проблемы»¹. Лоуренс, британский археолог и разведчик, как никто другой должен был оценить ценность этнологического знания для военных во время своего участия в Арабском восстании (1916-1918).

Однако почему сама идея сотрудничества государства и антропологов в военной сфере кажется сейчас порочной? Блистательная диссертация Владимира Владимировича Дубровского посвящена именно этому животрепещущему вопросу, актуальному в наши дни как никогда ранее. Почему антропологи не могут принимать участия в государственных программах, если это означает заниматься разведкой и делиться знаниями о местном населении? Какие альтернативы государству в таком случае для спонсирования науки у нас имеются? Почему работать на частные компании этично? А если мы и их сбросим со счетов, то при отсутствии экономического капитала, который, как известно по Пьеру Бурдьё, легко трансформируется в остальные виды капитала, каким образом мы можем в целом состояться как ученые?

Владимир Владимирович в своей диссертации отвечает на эти вопросы, анализируя участие культурных антропологов в военных программах и проектах Вооруженных сил США в XX – начале XXI в. и исследуя влияния сотрудничества ученых и военных на формирование этических принципов антропологии.

Начиная с Первой мировой войны и заканчивая 2010-ми годами менялось множество составляющих этого сотрудничества: менялось отношение военных к антропологам (первые попытки привлечь антропологов к разведке без каких-либо курсов парадоксально закончились их арестом за драку), а также антропологов к

¹ Lawrence T.E. Seven Pillars of Wisdom - A Triumph. Oxford University Press, 1940. P. 61.

военным и к различным войнам, которые вели США, и самое главное – менялись этические нормы в американской антропологии. В работе Владимира Владимировича удачно сочетается исторический анализ и антропологическая перспектива, что позволяет не только проследить хронологию взаимодействия антропологов с военными, но и выявить его внутреннюю логику, причины роста или ослабления сотрудничества. Аргументация диссертанта опирается на тщательно проанализированные источники и историографию, а новизна работы проявляется в комплексном рассмотрении проблемы и в попытке систематизировать многообразие форм сотрудничества антропологов с государственными структурами США. В результате диссертация не только расширяет представления о предмете исследования, но и может стать основой для дальнейших научных изысканий в этой области.

Владимир Владимирович блестяще показывает контекст каждой эпохи, иллюстрируя его как с точки зрения политических событий, так и раскрывая социальный и академический контекст, который позволяет взглянуть под другим углом на известные события: например, на дискуссию вокруг роли императора в японском обществе, которая велась после Второй мировой войны, когда против казни императора (и бомбардировки Киото!) выступила группа американских антропологов, в том числе Рут Бенедикт. Её «Хризантема и меч», изданная через год после окончания Второй Мировой войны, остается для широкой публики самой влиятельной англоязычной книгой о культуре японцев – несмотря на то, что само исследование для нее было проведено крайне сомнительно: сама Бенедикт никогда не владела японским языком, ее интервью включали только японцев, живущих в США, и военнопленных, а также просмотр кинофильмов. Тем не менее ее сенсационные выводы, экзотизирующие японцев, пользуются неизменной популярностью до сих пор.

Не секрет, что в основе книги, которая была издана через год после окончания Второй Мировой войны, лежало исследование Бенедикт, сделанное для Управления военной информации США в военное время. Однако несмотря на все очевидные недостатки этого исследования, Рут Бенедикт помогла не только избежать бомбардировки Киото, но и еще более чудовищных проектов, предлагаемых ее «коллегами» по УВИ, включавших запрет браков японцев с японцами и их принудительное переселение. Весь этот замечательно продемонстрированный в диссертации контекст позволяет несколько иначе оценить значение исследования

Бенедикт и ее личные моральные качества, а также взглянуть совсем с иных позиций роль антропологов в сотрудничестве с военными, и что немаловажно – на разные точки зрения, которые существовали в академическом сообществе. От публичного осуждения Франца Боаса за его письмо против сотрудничества антропологов и военных до создания Сети обеспокоенных антропологов в качестве площадки для критики политических аспектов работы ученых на государство, всегда в академическом сообществе звучали самые разных взгляды на сотрудничество с государством, и на формирование этих взглядов влияло множество факторов, включая социальный капитал, научные школы, даже разницу в оценке этических факторов у разных субдисциплин. Анализ жизни академического сообщества антропологов США во всей его полноте представляется бесспорной жемчужиной этой работы, и тем материалом, который изменит перспективу специалистов в оценке и анализе многих явлений.

Кроме совершенно замечательно подобранной информации и широкого кругозора автора, следует также отметить хороший слог, так как временами диссертация читается как невероятно интересный роман, и очень хотелось бы видеть ее издание в виде монографии.

Говоря о возможных недостатках диссертационной работы, можно указать на несколько некритическое отношение к установке о неизменности наших этических норм. Владимир Владимирович даже пишет, что «распространение нацизма, итальянского фашизма и японского милитаризма (...) стали рассматриваться как серьезнейшая угроза человечеству в целом и ключевым принципам антропологии как науки»². К сожалению, особенно для физической антропологии того времени это не является истиной, однако в данном случае, скорее, это является точкой зрения историографии, а не диссертанта. Джордж Стокинг назвал бы это презентизмом: когда мы с нашей современной позиции смотрим в прошлое и анализируем его с точки зрения наших нынешних представлений. Однако, как Владимир Владимирович прекрасно показывает в своей диссертации, эти представления американских коллег менялись, и даже принятый в 1971 году этический кодекс Американской антропологической ассоциации был детищем не только своего времени, но и всего того опыта, который был накоплен в антропологическом сообществе с момента становления науки как таковой.

² Дубровский В.В. Участие антропологов в военных программах США в XX – начале XXI в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2024. С. 89.

Сейчас мы тоже рассматриваем этические нормы благодаря всем тому опыту, который был у наших предшественников. Однако они сами, разумеется, не могли на это опереться, поэтому одним из вопросов, над которыми я предложила подумать во время подготовки монографии, было то, как менялись сами этические нормы антропологического сообщества США? В диссертации упор сделан именно на историю отношений. Однако любопытно было бы также посмотреть, как современники видели этику антропологии и как она менялась.

Для этого нужно было бы анализировать не только источники, связанные с сотрудничеством с военными, но и множество других, что, конечно, выходит за рамки диссертационного исследования. Однако их наличие позволило бы сделать текст более аналитическим и лучше показать исторический контекст и живущих в нем людей. Например, достаточно забавно неоднократно упомянутый в диссертации антрополог Джон Эмбри в своей знаковой для становления антропологии японской деревни монографии «Японская деревня: Суге-мура» (1939) пишет, что одним из критериев его выбора места исследование стало то, что «Суге находится вдали от любой военной зоны, и поэтому наша работа не вызывала подозрения со стороны военных»³. При условии, как пишет Владимир Владимирович, что Эмбри сам долгое время работал на военных, правда, американских, эти слова читаются совсем с другим ощущением и несколько иронично. Разумеется, нельзя объять необъятное, но расширенная источниковая база пошла бы на пользу работе: в первой главе единственным источником является письмо Франца Боаса, и при всех несомненных достоинствах этой главы, которая читается захлеб, всё же хотелось бы видеть больше анализа источников. Это, возможно, разбавило бы динамику повествования, но позволило бы меньше опираться на историографию. Вероятно, эта проблема также могла решиться, если бы в качестве темы были бы взяты менее широкие хронологические рамки, что позволило бы комфортно разбирать источники конкретного исторического периода.

Увеличение числа источников также позволило бы диссертанту увереннее формулировать собственные заключения. Практически везде в работе слышится не его голос, а голоса его внушительной историографии. Владимир Владимирович как будто из скромности пересказывает чьи-то еще выводы или же скрывает свой голос за

³ Embree J.F. A Japanese Village: Suye Mura. L: Kegan Paul, 1946. P. xiii.

словами того же Дэвида Прайса, письма которого по забавной случайности оказался одновременно и в разделе методологии, и в разделе источников (всё же из методики исследования их следовало бы исключить). При всем том, что формально кандидатская диссертация – это действительно накопление и осмысление уже имеющегося по этой теме материала, хотелось бы всё же пожелать автору не стесняться формулировать собственное мнение и высказывать его в работе – заключительные выводы диссертации, бесспорно, великолепны и отличаются высокой степенью обоснованности, и вызывает грусть, что до этого голос автора звучал достаточно редко.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.4. – «Этнология, антропология и этнография» (по социальным и гуманитарным наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Владимир Владимирович Дубровский бесспорно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – «Этнология, антропология и этнография».

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра азиатских и тихоокеанских исследований
ФГБУН Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Трынкина Дарья Александровна

10.02.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.07 – Этнология, антропология и этнография

Адрес места работы:

119334, Москва, Ленинский проспект, 32а

ФГБУН Ордена Дружбы народов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Тел.: +7 (495) 938-17-93; e-mail: info@iea.ras.ru

Подпись с.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Д.А. Трынкиной удостоверяю: *кат. с.н.с.*

18.12.2015

